

О творчестве Лескова

Меньше, чем кто-либо другой, Лесков может быть отнесен к писателям одного какого-нибудь жанра, одной какой-нибудь темы. В идейно-тематическом и жанровом отношении его художественное наследие исключительно многообразно; широта его творческих возможностей поразительна. Рассказ из крестьянского быта и «крестьянский роман»; повесть и юмористическая новелла из жизни купечества; хроника и очерк о «делах и днях» провинциального духовенства; легенда из первых веков христианства; социально-политический роман и роман-памфлет; сказка и святочный рассказ; полупублицистический очерк и рассказ, откликающиеся на злобу дня, — таков далеко не полный перечень литературных родов, в которых писал Лесков.

Но над всеми этими частными темами в качестве основной и главенствующей, пронизывающей все творчество писателя, возвышается одна общая тема — тема России.

Лесков «писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке... Каждый его герой — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России», — замечал Горький.

Велика заслуга Лескова и как «выметальщика сора» (выражение самого писателя), то есть как критика феодально-крепостнических отношений в дореформенной и пореформенной России. Талантливо, с блеском выступает Лесков против самодержавного гнета, произвола, против дворянско-бюрократической верхушки царской России. Внешне эта критика часто относится к прошлому — к дореформенным условиям и событиям, но по существу она непосредственно затрагивает и окружающую писателя действительность, бьет по режиму 1880–90-х годов.

Критика эта не исходит из какой-либо строго определенной, точно очерченной политической программы. Лесковым руководит негодование свободомыслящего, прогрессивно настроенного моралиста против зла, насилия и несправедливости, а прежде всего любовь к отчизне, горестная забота о ее грядущих судьбах.

«...Все истинно честное и благородное сникло; оно вредно и отстраняется. Люди, достойные одного презрения, идут в гору. Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей...»

Так отзывается Лесков о реакции 1880-х годов в письме к редактору «Исторического вестника» С. Шубинскому.

В этот период и развертывается деятельность Лескова по «выметанию сора».

По Ф. Евнину

Писатель большого разнообразия жанров, редкого обилия тем и избыточной пестроты стиля, Лесков неизменно сохраняет творческое единство и цельность в своем глубоком интересе к жизни русского народа. Это чувство обеспечило писателю выдающееся знание своей страны, ее нравов, истории, искусства, поэзии и языка. Старая Россия, крепостная и пореформенная, раскрылась в его записях не только со всеми своими недугами и ранами, но и в замечательной красоте ее тружеников, героев и «праведников». «Я отмечаю такие явления, по которым видно время и веяние жизненных направлений массы», — писал о своих творческих задачах Лесков. В своих книгах он развертывал широкую картину своей родины во всех ее необъятных просторах.

«Припоминаю Русь такую, как я ее знаю, — писал Лесков в 1871 году, — от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру...»

Сколько пейзажей и типов вмещали в себя эти пространства! В каких только направлениях не изъездил их влюбленный в страну свою писатель! Он подолгу жил в Орле, Киеве, Пензе, Петербурге, хорошо изучил Москву, был в Новгороде, Пскове, Оренбурге, Одессе, знал прикаспийские солончаки и плесы Поволжья, посещал Прибалтику и острова Финского залива. Он видел киргизские степи, покрытые «серебряным морем» пушистого ковыля, и Ладожское озеро с густо-зеленым Валаамом.

Лесков превосходно знал прошлое своей страны. И не только в знаменитых событиях и прославленных образах минувшего, но и в его малозаметной повседневной жизни, в его скромных и забытых фигурах, обойденных историей и преданием. Биографии старинных русских людей, окружавший их быт, их воззрения и драмы не раз сообщали ему волнующие темы для рассказов. Особенно привлекали внимание Лескова Москва XVI–XVII веков и весь петербургский период. Он собирал разнообразные документы о правительственной и частной жизни старой России, служившие ему для художественной работы и ученых публикаций.

Лесков был превосходным знатоком русской литературы. Страстный и жадный читатель, неутомимый труженик слова, он знал такие старинные памятники, как «Поучение Луки Жидяты» и «Житие протопопа Аввакума», «Записки» Посошкова и послания Нила Сорского, проповеди Кирилла Туровского, речи Стефана Яворского и трактаты Милетия Смотрицкого. Его пленяет «самый возвышенный в своих помыслах поэт русский Пушкин», которого он смело ставит на первое место в мировой литературе. Он советует одной художнице: «Прочтите всего Пушкина, а потом Шекспира». Но особенно любил Лесков Лермонтова — поэта «с идеей «Пророка» с стремлением идти не к похвалам и жизнерадостности, а к страданиям и к тому, чтобы его поносили:

Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!

Одним из любимых авторов Лескова был Гоголь, о котором он даже написал биографический рассказ. Это был его образец, неизменно восхищавший яркой окрашенностью слова и графической четкостью образов.

Из романистов Лесков особенно ценил Л. Толстого, который, по его словам, всех смелее и всех лучше выразил в «Войне, и мире» «незримый дух народа». Он признавал Тургенева «превосходным писателем» и любил его за «правду представлений» и настоящее искусство слова. Он хотел посвятить памяти Достоевского свои очерки «Обнищеванцы» и выставил эпитафией к ним слова автора «Мертвого дома»: «Нашему народу можно верить — он достоин доверия».

Особенно Лесков ценил, изучал и даже собирал народную поэзию. Историк литературы профессор Де ла Барт писал:

«Лесков знал такое множество народных сказаний, притч, легенд, какого я не встречал у присяжных фольклористов. Не было секты, учения, ереси, которых бы он не изучил до тонкости... Он орудовал с этим материалом, как ученый исследователь фольклора...»

Наряду с поэзией Лесков увлекался и народной живописью. Он изучал древние фрески XI века, иконы новгородского, московского, устюжского, строгановского письма, знал работы Андрея Рублева и Ушакова, ценил палешан. Религиозная живопись старой Руси воспринималась им как великое народное искусство.

К народному искусству Лесков относил и художественные ремесла, и всю кустарную промышленность русских посадов и деревень. Писатель дорожил этой деятельностью народа, в которой сказывалась его мысль и фантазия. Лесков прекрасно знал и русский лубок, и книжки ярмарочной литературы, и московские песенники, и старинные лечебники.

Но от книги его всегда влекло к жизни.

«Я очень люблю литературу, – писал в 1871 году Лесков, – но еще более люблю живого человека с его привязанностями, с его нервами, с его любовью к высшей правде».

В этих кратких словах сказалась целая творческая программа. Живой человек и его «правда» — вот ведущие темы Лескова, органически и неразрывно слитые в его созданиях. Одаренность, нравственная сила, героичность русского национального характера — вот доминанта его образов и сюжетов.

Проникновенное знание родины и понимание ее трудового люда – именно этим Лесков особенно привлек к себе внимание Горького.

«Он писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке, – отмечает Горький в своих записях к “Истории русской литературы”. – Каждый его герой – звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума – дума не о судьбе лица, а о судьбе России».

Он мог подчас идти неверными путями, – «но он, Лесков, пронзил всю Русь». В этом его неумирающее значение. Вот почему, по словам Горького, Лесков принадлежит к «первейшим из русских писателей». Его знание крестьянской песни и говора всех сословий, его глубокая житейская эрудиция в делах и людях страны, его безграничная любовь к родному «пейзажу и жанру» сообщили творчеству Лескова значение одного из самых выразительных и сильных изображений русского народа.

По Л. Гроссману

Лейтмотивом творчества Лескова являлось стремление к изображению героических образов, олицетворяющих русский народ. Поиски Лесковым положительного героя могут быть правильно поняты лишь в свете характерного для второй половины XIX века подъема патриотических тенденций в литературе, выразившегося в расцвете творчества Толстого, Щедрина, Некрасова, Достоевского и блестящей плеяды беллетристов-шестидесятников. Подъем этот был вызван мощным крестьянским движением в стране, протестом против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, ростом самосознания народа, превращающегося в видимого сознательного исторического деятеля. Перед литературой с особенной остротой встала задача создания образа положительного героя, ибо стало невозможным не видеть исторического творчества народных масс, или, по словам Щедрина, «невозможно не признать, что... рост русского человека несомненно увеличился», а потому и «русский мужик делается в нашей литературе как бы героем дня».

В эти годы писатели самых различных направлений обратились к изображению положительных типов. Достаточно вспомнить о героях-революционерах, изображенных Чернышевским в романе «Что делать?», о величественной эпопее «незаметного» героизма народа в «Войне и мире» Толстого, о стремлении Некрасова создать героический образ русского народа в ряде стихов и поэм («Русские женщины», «Кому на Руси жить хорошо»), наконец, об отмеченной Щедриным попытке Достоевского изобразить «тип человека, достигшего полного нравственного и душевного равновесия».

Лесков, будучи, по выражению Горького, писателем «очень крупным и умным», также не мог не заметить происходящего в литературе процесса.

Именно в это время он приходит к темам героизма и талантливости народа. Вполне естественным представляется сравнение лесковского «богатыря» Ивана Северьяновича и некрасовского сеченого и клейменого Савелия, «богатыря святорусского» («Кому на Руси жить хорошо»), ибо и тот и другой создают образ «убогий и обильной» Руси, образ народа, который

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Такие повести 1870-х, как «Очарованный странник» или «Запечатленный ангел», свидетельствовали о формировании писателя, обладающего своим кругом тем и образов народной жизни и отчетливо индивидуальной манерой повествования.

Существенной чертой этих произведений Лескова является постепенное возрастание в них элементов сатиры. Пока еще нельзя сказать ни об одном целостно сатирическом образе, но многие эпизоды и детали все больше приобретают комедийно-сатирическую окраску (чиновный мир Старгорода, администратор-взяточник, обманутый евреями-торговцами в «Запечатленном ангеле», пошлые мелочи быта духовенства и т. д.).

Не менее важная особенность лесковского стиля – романтическая многоцветность изображения. В пейзаже Лесков добивается ярких цветовых и световых эффектов и резко нарушает привычный угол зрения:

«Знойный вид, жестокий; простор – краю нет... ковыль белый, пушистый, как серебряное море волнуется и по ветерку запах несет... Зришь сам не знаешь куда, и вдруг пред тобою отколь ни возьмется обозначается монастырь или храм... солнце рдеет, печет, и солончак блестит, и море блестит» («Очарованный странник»).

Повышенная красочность характеристики применяется Лесковым для описания произведений иконописи («Запечатленный ангел») или танцующей цыганки («Очарованный странник»). Эта увлеченность Лескова радужной игрой красок и живописными возможностями слов, несомненно, связана с оптимистической романтикой образов. Идея ослепляющей красоты и радости жизни неотделима в его мирозерцании от содержания созданных им образов.

По Б. Другову

Особенностью Лескова Горький считал то, что он всегда писал о «русском человеке, о человеке данной страны». В замечательных произведениях 1870–80-х годов («Очарованный странник», «Левша»), в незабываемых образах русского богатыря Ивана Северьяновича, сказочной фигуре гениального изобретателя Левши Лесков раскрывает и утверждает те положительные черты русского человека, которые составляют основные свойства его национального характера. Эти замечательные лесковские образы народной талантливости, героики, подвижничества были подсказаны писателю его глубокой верой в силы, одаренность и великое будущее русского народа: «...почем знать, может быть этот народ лучше литераторов способен вотировать прекрасные законы, войну и мир, кредит и т. д.», – говорит Лесков.

Лучшие народные образы Лескова являются обобщением замечательных черт русского народного характера.

«В каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума – дума не о судьбе лица, а о судьбе России» (М. Горький).

По В. Гебель

Создание галереи, по выражению Горького, «прелестно-жизненных», «физически ощутимых» положительных образов русских людей — одна из важнейших заслуг Лескова перед нашей литературой.

В бесконечной веренице образов Лесков отразил свои думы о русском народе. Но на первом месте среди них, подавляя собой все остальные, стоят изображенные крупным планом три основных, ведущих типа, воплощающие, по Лескову, главные черты русского национального духа: тип богатыря из народа (Иван Северьянович — «Очарованный странник»); тип талантливого самоучки из народа («Левша»); тип праведника из народа (целый ряд повестей и рассказов).

Лескову глубоко чужда и враждебна тенденция к сентиментальному приукрашиванию русского крестьянства и русского народа вообще, тенденция, свойственная части

писателей-народников 1870–80-х годов. Изображения Лескова проникнуты суровой жизненной правдой. Лесков явственно видит тяжелые следы, которые века крепостного права, страданий и темноты оставили в сознании народа, и не раз отмечает их в своих произведениях.

Но, глубоко зная свою страну и свой народ, Лесков делает центральными, наиболее обобщенными своими образами те, которые высоко возносят неиссякаемые духовные силы русского человека, его природную одаренность, его высокие моральные черты.

По Ф. Евнину

Широкое обобщающее содержание лесковских образов «странников» и «богатырей» прекрасно охарактеризовал М. Горький в своем курсе «Истории русской литературы»:

«Одна у русского человека жизнь и та безделица — это основной мотив всех песен Лескова. Это кажется ему красивым, он часто любит способность русского человека тратить свою жизнь, как безделицу, но — еще чаще вздыхает и печально спрашивает: “А к чему же этот оборот дела приведет нас, страну?” Здесь снова особенность Лескова: он писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке, о человеке данной страны. Каждый его герой — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России».

По Б. Другову

Лесков ценен и интересен как замечательный рассказчик, как редкий знаток языка и быта. Таких писателей у нас немного. На Лескове учились позднейшие писатели. Только после него могли появиться Чехов и Горький.

В своей статье о Лескове Горький называет его «волшебником слова», который в искусстве рассказывания не имеет себе равного:

«Простые слова, снизываясь одно с другим в затейливые строки, то задумчиво, то смешливо звонки, и всегда в них слышна трепетная любовь к людям... Люди его рассказов говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают пред вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л. Толстого, — иначе сказать, Лесков достигает того же результата, но другим приемом мастерства».

Этот особый «прием мастерства» и есть его повествовательный тон.

По Б. Эйхенбауму